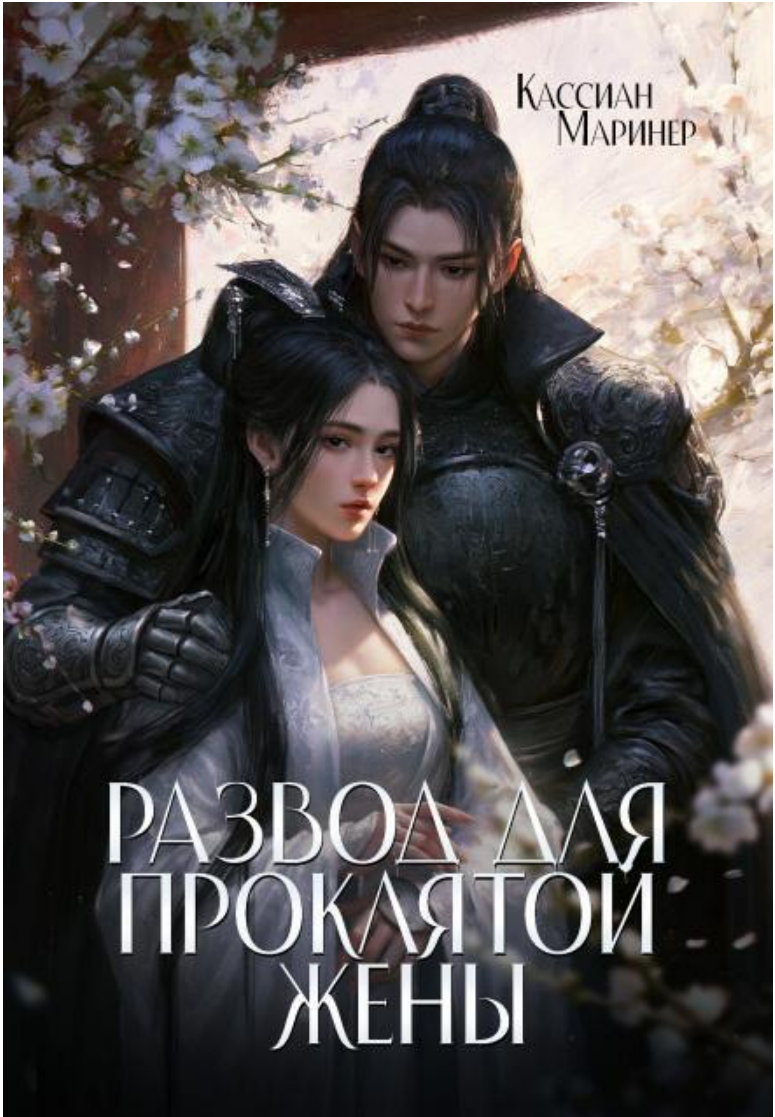

Кассиан
Маринер
РАЗВОД ДЛЯ
ПРОКЛЯТОЙ
ЖЕНЫ

Кассиан Маринер
Развод для проклятой жены

https://litres.ru/74745007

Аннотация

Я очнулась в теле женщины, которую только что задушил собственный муж. Мой новый супруг — могущественный и жестокий князь провинции Хэпин. Он ненавидит меня, ведь из-за императорского указа о нашем браке погибла его истинная любовь. Теперь в его гареме десять наложниц, каждая из которых лишь бледная тень той, что лежит в сырой земле. А я для него — ходячее напоминание о потере, мишень для ярости и презрения. Но он ошибся, если думает, что я буду терпеть унижения и вымаливать его взгляд. В прошлой жизни мое сердце уже разбили вдребезги. Больше я никому не позволю себя уничтожить. Я добьюсь развода любой ценой, вырвусь из клетки и найду того, кто полюбит меня настоящую. Только почему, чем холоднее я становлюсь, тем мрачнее и одержимее становится взгляд моего мужа?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

Тьма отступила, и на её место пришла ослепляющая боль. Мне нужен был воздух — прямо сейчас. Я дёрнулась, пытаясь вдохнуть, но горло сдавило тисками. Перед глазами расплывались чёрные круги. Чьи-то сильные руки давили на мою шею, вжимая в пол.

— Почему ты всё ещё жива, змея? — голос был пропитан таким ядом и ненавистью, что по коже пронёсся табун мурашек.

Я с огромным трудом заставила веки открыться и сквозь пелену слёз увидела нависающего надо мной мужчину. Весь его вид был страшен, точно у демона. Он смотрел на меня как безумное чудовище.

— Умри, тварь! — прошипел он и усилил хватку. — Отправляйся в Диюй и верни мне её! Верни Юэси!

Какая ещё, к чёрту, Юэси? Почему меня вообще душит какой-то ублюдок?!

Но думать было тяжело. Пальцы мужчины сжимались всё сильнее, тьма готова была поглотить меня. Ярость вспыхнула внутри подобно пламени, и мои безвольно лежавшие на полу руки взметнулись вверх. Тело было истощено, но инстинкт выживания взял верх: я впилась ногтями в его ладони, раздирая кожу до крови. Я пыталась причинить ему как можно больше боли, только бы эти руки отпустили меня. Мужчи-

на, не ожидавший сопротивления, опешил и ослабил хватку. Я тут же воспользовалась этим мгновением: со всей силы ударила коленом туда, куда только могла достать. Мой удар был не так силён, но его хватило, чтобы нападавший потерял равновесие. Он отшатнулся, разжав пальцы.

Ночной воздух наконец-то ворвался в лёгкие. Я прижала руку к шее, чувствуя сильную боль и то, как горит кожа. Мужчина глядел на меня сверху вниз. На его руках выступила кровь от моих ногтей. Когда он душил меня, в его взгляде горело безумие, но сейчас оно исчезло, сменившись омерзением.

— Думаешь, тебя спасёт сопротивление? — он брезгливо вытер кровь с рук о халат, будто моё прикосновение осквернило его. — Цепляешься за жизнь как насекомое. Помни, что ты дышишь моим воздухом. Ты можешь занимать место главной жены по приказу старого глупца, но в этом доме ты ничто, просто пыль. Я заставлю тебя завидовать мёртвым.

Он не стал меня добивать, развернулся, отчего полы его ханьфу взметнулись, и направился вон из покоев, с грохотом захлопнув за собой двери.

Я лежала на холодном полу, чувствуя, как сырость проникает сквозь шёлк и пробирается в самую суть. В голове лихорадочно крутились мысли о том, что вообще здесь происходит, где я нахожусь и почему.

И внезапно в дверь моего сознания ударил таран. Чужие воспоминания хлынули потоком. Картинки прошлого, чу-

жие чувства и боль тут же проникли в разум, смешиваясь с моими собственными. Я вспомнила предательство мужа в прошлой жизни, его равнодушный взгляд в зале суда и то, как он пытался оставить меня без гроша, забрав всё нажитое имущество. Мой мир тогда рухнул. Я доверяла человеку, который вонзил мне нож в спину. Годы нашего брака были растоптаны ради его беременной любовницы. С тех пор прошло немного времени, я сумела выжить и выжечь свои чувства, закрыв сердце на замок. Но случилось так, что я попала в аварию, когда ехала к очередному клиенту, а затем помнила лишь темноту. И теперь я здесь.

Теперь я Цзян Ваньцин, главная жена Пэй Тяньюня, великого князя. Дочь из благородного клана, которую отдали этому человеку по приказу императора. И эта девушка по своей глупости влюбилась в собственного мужа, но её чувства разбились о его ненависть. Ведь из-за этого брака погибла возлюбленная Пэй Тяньюня. Та девушка не смогла вынести позора и умерла, отказавшись войти в дом наложницей. Вся столица знала, как сильно князь любил её. Из-за того, что она не могла стать главной женой, её клан оказался бы опозорен, не выбери она смерть. В глазах каждого она осталась несчастной, с которой жестоко поступила судьба.

После смерти возлюбленной новоиспечённый муж начал мстить, наполнив двор наложницами, каждая из которых обладала хоть какой-то чертой покойной Юэси. У одной были её глаза, у другой — улыбка, у третьей — изгиб плеч. Закон-

ную жену, любившую его всем сердцем, он превратил в мусор, на который и наступил.

Какая же ты была дура, Цзян Ваньцин. Любить того, кто готов убить тебя за то, чего ты даже не совершала. Бред.

Душа Цзян Ваньцин сдалась как раз тогда, когда я вошла в её тело. Она приняла смерть от рук князя как избавление, как искупление вины. Ей не за что было расплачиваться. Но если она покорно приняла этот удар, то я подставляться не стану. Я не для того пережила предательство и гибель в прошлом мире, чтобы умереть здесь в роли жалкой, забитой жертвы.

Я вдыхала воздух, пропитанный перегаром. Видимо, новоявленный муж изрядно выпил, перед тем как попытаться меня задушить. А сейчас ушёл к наложницам, чтобы выместить гнев, который только что изливал на меня.

Опираясь на дрожащие руки, я медленно села, осматривая покои. Они были погружены в полумрак, а единственным источником света служила пара фонарей. Обстановка вокруг была богатой: резные красные ширмы, тяжёлые занавеси, расписные вазы. Но всё вместе это выглядело зловеще — будто клетка или склеп, в котором князь запер меня.

Я провела рукой по распущенным, спутавшимся волосам. Тело ныло, шея горела и при каждом движении отзывалась резкой болью. Даже сглатывать было трудно. Я заставила себя подняться, хоть колени и дрожали, выпрямила спину и медленно подошла к бронзовому зеркалу.

Из отражения на меня смотрело лицо невероятной красоты: бледная кожа, огромные тёмные глаза с густыми ресницами, изящная линия губ и аккуратный носик. Но эту красоту портили наливавшиеся на шее тёмно-синие отпечатки пальцев.

— Глупая, добрая девчонка, — медленно прошептала я, видя в зеркале не столько себя, сколько исчезающую душу Цзян Ваньцин. — Твои страдания и любовь привели тебя к гибели. Ты желала согреть кусок льда и сама замёрзла.

В памяти всплыли последние месяцы. То, как Цзян Ваньцин варила для мужа отвары, а он лишь выплёскивал их на неё. Как шила ему одежду, которую Пэй Тяньюнь потом отдавал конюхам. Как сносила издевательства наложниц, которых муж всячески поощрял за насмешки над законной супругой.

С каждым новым воспоминанием я чувствовала лишь растущее раздражение. Сколько можно быть жертвой? В прошлой жизни я однажды позволила вытирать о себя ноги и чуть не потеряла всё. Справедливости в мире нет, пока ты сам её не вершишь.

Но в этом месте правила совсем иные. В этой эпохе женщина была лишь тенью своего мужа, а развод считался несмываемым позором. Но мне плевать. Раз уж я оказалась в теле Цзян Ваньцин, то терпеть подобное не стану.

Я коснулась синяков на шее, и меня тут же пронзила острая боль. Становилось невыносимо, даже когда пальцы едва

касались кожи. Но она отрезвляла.

— Я не стану мстить за твою погубленную жизнь, Цзян Ваньцин. И я не буду мстить тебе, Пэй Тяньюнь, — холодно произнесла я, глядя в свои тёмные глаза в отражении. — Ты сломанный человек, а я не палач. Но уничтожить себя я не позволю. Я не стану бегать за тобой и играть в твои больные игры. Моя жизнь принадлежит только мне. Я добьюсь развода, каким бы невозможным это ни казалось. Ты останешься со своим горем, а я буду жить.

Вдруг в двери тихо проскользнула фигура. Это была Чжицяо — служанка, приставленная ко мне, едва я переступила порог дома вана. При виде меня у девушки забегали глаза. Она всегда смотрела на Цзян Ваньцин с пренебрежением, зная, что та в немилости у князя. Её любопытный взгляд скользнул по синякам на шее и каплям крови на полу. Служанка ни капли мне не сочувствовала. Она просто наблюдала за «муравьём», каким меня считала. Но я не была насекомым.

— Госпожа, — елейно начала она, даже не подумав поклониться. — Его Высочество покинул вас. Наложница Сюэ просила передать, что сегодня князь будет ночевать в её павильоне. Она интересовалась, не нужен ли вам лекарь? Или же ничто не способно излечить вашу печаль?

В словах служанки сквозила открытая издёвка, как и в послании, которое она передала. Наложница Сюэ была одной из самых дерзких в здешнем гадюшнике. Глупая девица ду-

мала, что может пренебрегать мной только потому, что её разрез глаз напоминал глаза покойницы.

Я медленно повернулась к служанке, смерив её спокойным, леденящим взглядом. Так судья смотрит на подсудимую. И эта служанка сейчас явно виновна.

Чжицяо поперхнулась на полуслове, презрительная улыбка тут же сползла с её лица.

— Иди к наложнице, — произнесла я тихим, но твёрдым голосом, от которого девушка невольно сделала шаг назад. — И передай: я рада за неё, пускай наслаждается обществом вана. А также объяви остальным наложницам, что отныне мой двор закрыт. Всякий, кто посмеет ступить сюда без моего разрешения, ответит перед законом клана Цзян и самим императором.

— Госпожа... — служанка побледнела, не узнавая меня.

— А теперь, раз уж ты здесь, — я указала пальцем на кровь на полу, — вытри эту грязь и приготовь мне ванну. Я хочу смыть с себя смрад.

Чжицяо рухнула на колени, её тело мелко задрожало. Она не понимала, что со мной произошло, но животный инстинкт подсказывал этой девчонке: перед ней больше не беззащитная овца, которую можно безнаказанно кусать. Те времена закончились.

***

Вода в бадье была слишком горячей, даже практически невыносимой, отчего кожа тут же обжигалась, а боль проно-

силась по всему телу. Но я не смела отнять рук, потому что кипяток был мне нужен. Я погрузилась в неё по самую шею, стиснув зубы, чтобы только лишний раз не застонать и не закричать от боли, пронзившей избитое тело, покрытое наливающимися синяками.

Жар ударил в больную шею. Хотелось немедленно вылететь из воды и окунуться во что-то холодное, чтобы только избавиться о боли, но я терпела и продолжала сидеть.

Чжицяо дрожала, не имея силы её унять, как и отойти, чтобы скрыть испуг. Девушка дёргано и суетливо прислуживала, подливая горячую воду из кувшина, и избегала смотреть мне в глаза. Она пыталась показать, что работает и что не стоит обращать внимания — на глупую провинившуюся служанку. Страх, поселившийся в ней несколькими минутами ранее, подействовал лучше наказаний.

Пар поднимался к потолку, расписанному журавлями, и смешивался с ароматом дешёвого масла. Главная жена великого князя — и мылась мылом, какое даже не дают рабыням. Ещё один мазок в картине унизительного положения, в котором я сейчас находилась. И доказательство того, что прошлая хозяйка тела не уважала себя.

Я прикрыла глаза и погрузилась по нос. Чтобы разогреть мышцы и кости и выгнать холод смерти — надо стать живой и закрепиться в этом теле.

Несмотря на всё происходящее, моё сознание оставалось ясным. Воспоминания двух жизней улеглись в моей голове,

разделившись на «до» и «после». В прошлом я была успешным юристом, акулой в мире бракоразводных процессов. Я защищала женщин, которых пытались оставить ни с чем такие же уверенные в своей безнаказанности мужчины, какими были мой бывший муж и мой нынешний. Я не могла допустить того, что они творили, так как прекрасно на собственной шкуре испытала подобное унижение, предательство и грязь.

Странная ирония судьбы. Небеса, ну или же боги, забросили меня в древнюю эпоху в тело женщины, которая обладала всем, чего я никогда бы не захотела испытать. Цзян Ваньцин была бесправной женщиной, тенью своего ненавидящего мужа, который обладал гаремом из десяти наложниц, чем-то напоминавших бывшую возлюбленную этого тирана. Здесь не было никаких путей к отступлению — это просто капкан. Как будто меня со всей дури окунули в выгребную яму и оставили барахтаться, желая посмотреть, выплыву ли я или же утону.

В империи развод по желанию жены — дерзость. Реши она показать, что творится в семье, то опозорила бы оба клана. В лучшем случае её сослали бы в монастырь — прозябать в нищете. В худшем — родственники с обеих сторон сговорились бы и удавили в углу, смывая позор.

— Ну и пускай так. Значит, я найду прецедент. А если его нет, то сама его создам. — Я приоткрыла глаза, увидев сквозь толщу воды изящные хрупкие руки, которые, по сути,

надо было целовать. Они были предназначены для украшений и колец, но ничего из этого на них не было.

Я провела влажной губкой по шее и зашипела от боли. Синяки отвердели. Пэй Тяньюнь действительно желал меня убить. И в каком-то смысле я понимала, что это не просто вспышка гнева пьянчуги, а выдержанная годами ненависть.

Пронеслись воспоминания о глазах Пэй Тяньюня. Этот человек искренне ненавидел Цзян Ваньцин, хотя она ничего не совершала плохого и не заслуживала подобной участи. Пэй Тяньюнь был опасен. Он напоминал собой раненого зверя, который решил броситься на того, кто находился ближе всего. И этим кем-то оказалась именно его законная жена.

Я не была лекарем для чужих душ. Может быть, Цзян Ваньцин и пыталась исцелить его своей любовью, прощением и покорностью, но в итоге этот путь привёл её к смерти на полу. Я проходить её путь не собираюсь. Я не смогу вылечить этого человека, который уже позволил себе поднять руку на Цзян Ваньцин.

— Госпожа, — робкий голос Чжицяо прервал мои размышления. Служанка показалась здесь совершенно лишней. С другой стороны, она идеально выполняла свою задачу — слуга должна быть тенью своего хозяина. — Вода остывает. Вам подать полотенце?

Я ничего не ответила, только кивнула, поднимаясь из бадьи и лениво наблюдая, как тонкими струйками стекает вода по моему хрупкому, стройному и истощённому телу, не ви-

давшему нормальной еды. Служанка поспешно накинула на мои плечи халат. Грубый белый хлопок, точно не шёлк. Видимо, в этом доме шёлк предназначался только для наложниц.

— Утром принеси мне шкатулку с травами, что стоит в дальней комнате. — Хрипло и тихо звучал мой голос.

Чжицяо удивлённо посмотрела на меня.

— Но, госпожа, разве вы не будете звать лекаря? Вы ведь раненая... И ван должен знать.

Я резко повернулась к ней и ощутила боль в горле, но не подала виду. Посмотрела на неё так, что служанка подавилась своими словами и опустила глаза в пол. Её тело сильнее затряслось от страха.

— Запомни одно правило, — медленно произнесла я, чеканя каждое слово так, чтобы оно навсегда отпечаталось в её голове. — Отныне то, что происходит в стенах моего двора, останется навсегда здесь и никогда не выйдет за его пределы. Если лекарь сюда явится, знай: это будет означать, что ты проболталась. А если ты это сделаешь, то я лично прослежу за тем, чтобы тебя продали в самый дешёвый бордель на окраине столицы. Ты меня услышала?

Служанка рухнула на колени и ударилась лбом об пол, показывая всем своим существом, что эта участь пугала её.

— Да, госпожа, эта рабыня поняла и будет нема, как рыба. Только прошу, не продавайте меня! Лучше быть возле вас, чем там.

— Прекрасно. А теперь помоги мне одеться, а потом пойдёшь вон. Я спать хочу

***

Ночь прошла в тревожном полусне. Мне снились залы суда, в которых я присутствовала в прошлой жизни, и они смешивались с красным убранством поместья князя. Лицо бывшего мужа призрачно накладывалось на лицо нынешнего, а их голоса сливались в один жестокий хор, обвиняя меня в том, что я недостаточно хороша, больше не заглядываю им в рот и стала слишком непокорной.

Я проснулась ещё до рассвета из-за этого поганого сна. Тело ломило так, словно по мне проехала телега, гружённая камнями. Шея болела, глотать даже слюну было пыткой. Лучи солнца еле-еле пробивались сквозь бумагу на окнах, рассеивая тусклый свет по покоям.

Сев на постель, обвела взглядом свои комнаты. Мой двор назывался «Увядающая слива» и являлся самым отдалённым и холодным крылом резиденции князя. Слишком ироничное название для двора главной жены. Мне уже уготовили участь просто увянуть, как листок, и никто этого даже не заметит.

Служанка выполнила мой приказ, и под утро на небольшом столике уже стояла массивная шкатулка с множеством ящичков. Из воспоминаний я понимала, что бывшая хозяйка тела была неплохой травницей и долгие часы изучала медицинские трактаты, чтобы самой варить мужу отвары после

военных походов.

Я медленно подошла к шкатулке, принявшись выдвигать ящички. Пробуждённая память тела легко находила нужные коренья и цветы. Вот корень для улучшения циркуляции крови, вот — для рассасывания синяков, а вот — с охлаждающим эффектом. Взяв нужные травы, растёрла их в каменной ступке, залила горячей водой из чайника, оставленного служанкой на жаровне, и замешала густую кашицу. Запах лекарственного «искусства» получился слишком резким и горьким. Но было всё равно — лишь бы смесь помогла. Зеленоватая мазь легла на почерневшую шею. Закончив наносить, я обмотала больное место тканью.

Время уже близилось к полудню, когда тишину моего заточения нарушил шум, доносившийся из внутреннего двора. Тяжёлые шаги и властный голос послышались со стороны двери, и створки нагло и без стука распахнулись.

На пороге стоял личный слуга Пэй Тяньюня — евнух Гу, толстый, с блестящим надменным лицом, всегда смотревший на меня как на пустое место.

— Госпожа, Его Высочество призывает вас в павильон Весеннего ветра. Сейчас же. — Евнух Гу едва заметно кивнул, изобразив подобие поклона.

Спокойно сидя за столом перед бронзовым зеркалом, я медленно расчёсывала чёрные волосы костяным гребнем и даже не повернула к нему головы, лишь смотрела на отражение.

— Призывает меня? И по какому поводу? — Мой голос звучал тихо и холодно.

Евнух удивлённо моргнул, поражённый этой реакцией, какой никогда не видел у Цзян Ваньцин. Обычно покорная жена вскакивала, стоило кому-то заговорить о муже, и начинала радостно суетиться и расспрашивать о его настроении. Но сейчас при упоминании князя слуга столкнулся лишь с пустотой.

— Его Высочество изволит отдыхать среди своих любимых наложниц и поэтому хочет, чтобы главная жена присутствовала и наливала вино. Как того требуют правила женской добродетели и семейная гармония.

Я едва заметно усмехнулась. Этот человек говорил о семейной гармонии и о каких-то правилах. Видимо, Пэй Тяньюнь протрезвел, вспомнил, что натворил вчера, и теперь решил продолжить экзекуцию, но более изощрённым и грязным способом. Князь желал унизить меня перед своим гаремом и показать, что навязанная жена стоит гораздо ниже любой из этих девок. Ждал, что я явлюсь к нему и буду плакать, глядя, как он развлекается со своими… подстилками. Позволь я вчера себя убить — и не пришлось бы унижаться перед его наложницами. Наверно, именно это супруг и хотел до меня донести. Что ж, если князь хочет увидеть меня, то он увидит.

— Передай Его Высочеству, что главная жена скоро прибудет, — равнодушно ответила я и, закончив расчёсывать во-

лосы, отложила гребень.

— Его Высочество сказал: «Немедленно!» — Евнух нахмурился и сделал шаг в комнату, явно не собираясь отступать.

Я медленно поднялась со стула и повернулась к слуге, устремив на него тяжёлый, полный презрения взгляд, от которого тот замер.

— Ты смеешь мне указывать, раб? — Мой голос опустился до шипения. — Я, Цзян Ваньцин, законная жена князя и дочь старшего министра двора. И только мне решать, когда являться. Я приду тогда, когда буду готова. А теперь выйди вон и жди за дверью, пока я не позволю войти. Если посмеешь ослушаться, то я прикажу выпороть тебя за неуважение к хозяйке дома.

Лицо евнуха покрылось красными пятнами от злости. Гу хотел было открыть рот, чтобы возразить, слишком уж привыкнув к безнаказанности. Но мой ледяной взгляд, прямая спина и абсолютное спокойствие заставили его подавиться собственными словами. Слуга отступил на шаг, сухо поклонился и вышел, закрыв дверь.

Глава 2

Я позвала Чжицяо.

— Открой сундук с приданым, — велела я и подошла к деревянным створкам шкафа.

Служанка, всё ещё окутанная ужасом, тут же кинулась выполнять приказ. Долгое время бывшая хозяйка тела носила одежду нежных оттенков: розового, персикового и светло-зелёного, чтобы казаться мягкой, домашней. Цзян Ваньцин хотела стать идеальной покорной женой, пытаясь смягчить каменное сердце чудовища, за которого вышла замуж. Но это было ошибкой. Слабую рыбу легко убить — она сгодится лишь на корм. А акулы плывут на кровь.

На самом дне сундука отыскалось платье, которое ни разу не надевалось с момента прибытия в резиденцию князя. Прекрасного глубокого синего цвета, почти индиго, переходящего в чёрный. Тяжёлый шёлк украшал изысканный узор, напоминавший то ли морозные ветви, то ли мечи. Само по себе строгое и закрытое, и идеально подходящее, чтобы скрыть повязку на шее. Я не собиралась являть всем то, что со мной случилось, и давать лишний повод для насмешек. Они этого не получат.

Волосы высоко заколола, не выпустив ни единой прядки. Легкомысленные локоны или броские шпильки были исключены — только строгая серебряная заколка. Лицо оставила

бледным, едва тронув губы помадой, яркой, как капля крови на снегу. Посмотрев в зеркало, увидела перед собой вовсе не жертву, какой прежде была Цзян Ваньцин. Из отражения смотрела женщина, пришедшая забрать долги. А князь задолжал слишком много.

— Идём, — коротко бросила я Чжицяо, и мы покинули покои.

Путь до нужного павильона занял около десяти минут. Я шла по самой красивой и богатой части поместья, утопавшей в цветах, среди которых журчали искусственные ручьи. И именно в этом прекрасном месте Пэй Тяньюнь поселил свой гарем. Здесь играла музыка, звенел женский смех и кипела жизнь, в то время как моя половина дома была полностью погружена в тишину и забвение.

И по мере того, как я приближалась, стражники и слуги расступались, удивлённо вскидывая головы, а вслед доносилось шушуканье — они не узнавали холодную, надменную женщину. Моя походка была плавной, но слишком твёрдой — словно у палача, идущего карать преступников.

Двери павильона были распахнуты настежь, являя взору всё, что творилось внутри. Оттуда доносились музыка и заливистый женский смех, а в воздухе царили сладкие ароматы благовоний и вина. Я переступила порог, и веселье начало утихать, словно вместе со мной ворвался мороз.

Павильон был огромен, весь пол устилали ковры, а вокруг стояли низкие столы, заваленные фруктами. Здесь же

расположились все десять наложниц, одетых в тонкий шёлк разных оттенков. Они сидели вокруг центрального помоста, на котором, откинувшись на подушки, полулежал Пэй Тяньюнь.

Князь был одет в распахнутый на груди красный халат. Длинные волосы стягивала простая лента. Черты лица вана, которые в прошлый раз показались мне уродливыми, теперь выглядели прекрасными и соблазнительными. В тёмных глазах тлел мрачный огонь. В одной руке мужчина держал чашу с вином, а другой поглаживал по спине наложницу. Из воспоминаний я сразу поняла, кого именно он ласкал — наложницу Сюэ, чей разрез глаз напоминал глаза покойницы. Всегда, когда Цзян Ваньцин встречалась с ней, весь вид Сюэ так и кричал о том, что место законной жены — в пыли.

Тишина, воцарившаяся в павильоне с моим появлением, стала слишком уж тягучей; она невольно заставляла пригнуться, но я стояла ровно, не шелохнувшись. Все взгляды девиц скрестились на мне. Я остановилась в нескольких шагах от возвышения, глядя прямо на Пэй Тяньюня. Становилась понятна причина их замешательства: прежняя Цзян Ваньцин просто опустила бы глаза, задрожала и заломила руки, как поступала всегда, когда сидящий передо мной человек пытался её унизить. Именно моё хладнокровие выбивало их из колеи.

Взгляд скользнул по мощной фигуре князя, по наложнице в его руках и по чаше с вином. В груди расползалась пустота

— не осталось ни капли чувств к человеку, сидевшему напротив, словно прежняя Цзян Ваньцин, умирая, забрала их с собой. Но она оставила память, поэтому я могла смотреть на Пэй Тяньюня как на часть дворцовой обстановки, которая ничего не стоила. Именно из-за этой реакции желваки на скулах князя дрогнули, а рука, гладившая спину Сюэ, замерла.

Я плавно опустилась в безупречном поклоне, не позволив себе ни малейшей вольности, а тем более — проявления эмоций.

— Приветствую Его Высочество князя, — ровным, лишённым чувств голосом произнесла я, будто секретарь на суде, представлявший стороны. — Эта жена прибыла по вашему приказу. Каковы будут ваши указания?

Пэй Тяньюнь медленно отстранил наложницу и наконец сел. Проницательные, тяжёлые глаза застыли на моём лице, а затем посмотрели на высокий воротник ханьфу, специально скрывавший шею. Ван прекрасно знал, что под тканью, потому что помнил, как душил меня.

— Ты говоришь об указаниях? — раздался его низкий голос с хрипотцой. В нём слышались угроза и раздражение от того, что план по унижению жены пошёл не так, как задумывалось. — Ты ведь главная жена, мать этого дома. Твоя единственная обязанность — делать так, чтобы твоему мужу было хорошо.

Пэй Тяньюнь протянул мне пустую чашу.

— Налей мне вина.

По павильону прокатись отчётливый шепоток и смешки наложниц. То, что он творил, было неслыханно: я являлась главной женой, женщиной благородной крови, а меня заставляли прислуживать, как простую служанку, прямо оскорбляя на глазах у всего гарема.

Сюэ тихо хихикнула, прикрыв рот рукавом. Промелькнуло воспоминание о похожем случае: тогда Цзян Ваньцин упала на колени, умоляя не растаптывать её достоинство, и пролила слёзы позора. Бедная глупая девушка.

На моём же лице не изменилось ни единой черты, а в душе не шелохнулась обида — невозможно задеть того, кто не испытывает к тебе ничего, кроме полного безразличия. Передо мной сидел не человек, а просто досадная помеха, портившая мне жизнь.

— Как прикажет муж, — ровно произнесла я, подходя ближе, и опустилась на колени, отчего подол платья широким кругом лёг на ковёр.

Медленными, точными и элегантными движениями подняла тяжёлый кувшин и поднесла к чаше в руках князя, не обращая внимания на смешки наложниц.

На мгновение наши взгляды встретились — расстояние между нами было совсем крошечным. Пэй Тяньюнь всматривался в моё лицо, пытаясь разглядеть проблеск прежней Цзян Ваньцин, но наткнулся на глухое равнодушие.

В моих глазах застыла темнота, в которую он больше ни-

когда не сможет проникнуть. Тонкая струйка вина полилась в чашу. Я наливала ровно столько, сколько требовал этикет, — ни капли больше, ни капли меньше. Я — стена.

Пэй Тяньюнь не отрывал от меня взгляда. Пальцы, сжимавшие чашу, побелели от напряжения. В глазах князя закипал гнев: моя безупречная покорность и полное отсутствие эмоций злили его гораздо сильнее, чем если бы я упала на пол и принялась унижаться или швырнула этот кувшин ему в лицо.

— Ваше вино.

Я медленно и изящно поставила кувшин обратно на стол, сложила руки на коленях и уставилась в пустоту перед собой. Но он даже не поднял чашу к лицу.

— Что это за представление, Цзян Ваньцин? — внезапно тихо спросил он, весь его тон был пропитан опасностью. — Думаешь, если нацепишь траурные одежды и сделаешь холодное лицо, я забуду, какая ты на самом деле? Забуду, по чьей вине сижу здесь среди призраков?

При упоминании призраков наложницы переглянулись, сообразив, кем он их считает. Даже Сюэ побледнела. Я лишь медленно перевела на него взгляд.

— Эта жена не понимает, о чём говорит Его Высочество, — холодно и вежливо произнесла я. — Она лишь исполняет свой долг. Если Его Высочество недоволен тем, как она наливает вино, эта жена прикажет слугам лучше обучить её.

Его ноздри раздулись от ярости, он резко опустил чашу

на стол, так что вино выплеснулось наружу.

— Не смей играть со мной, змея! — прорычал он, подавшись вперёд. От него исходил тяжёлый, давящий дух, способный сломить любого слабого смертного. Но на меня он не действовал. — Твоё равнодушие — фальшь. Вчера ты скулила под моими руками, трепыхаясь в предсмертных муках, а сегодня строишь из себя скалу. Чего ты добиваешься? Хочешь привлечь моё внимание новой уловкой? Ничего не выйдет!

Я смотрела на его искажённое гневом лицо, которое не вызывало у меня никаких чувств. Да, он был красив, но эта красота предназначалась не мне, а той, что давно лежит в земле. Странно только, почему он не последовал за ней, раз любил так сильно? Он был разрушен собственной болью и теперь выместить её на окружающих.

Если бы подобный тип встретился мне в прошлой жизни, я бы немедленно вызвала охрану и выписала судебный запрет на приближение. Но здесь всё было иначе, и полагаться приходилось только на собственный разум. Я даже не моргнула — нельзя выдавать слабость.

— Вы ошибаетесь, Ваше Высочество, — чётко и спокойно произнесла я и слегка подалась вперёд, чтобы следующие слова предназначались только ему: — Вчера вы убили ту, кто вас любил. Ту дуру, которая пыталась согреть глыбу льда.

Пэй Тяньюнь замер, его глаза расширились от этой правды, которую он, вероятно, не мог до конца осознать.

— Вы так желали, чтобы меня не было в вашей жизни. — Я чуть заметно склонила голову, отчего серебряная заколка в волосах тускло сверкнула. — Что ж, можете радоваться: вы добились своего, прежней меня здесь больше нет. Я остаюсь в этих стенах лишь потому, что указ императора запрещает самовольно покидать этот дом. Но клянусь своей жизнью, я не задержусь здесь дольше необходимого. Можете спать спокойно: когда настанет срок, вы меня больше не увидите.

Я плавно поднялась с колен, не спрашивая разрешения, проигнорировав вздохи наложниц, для которых моё самоуправство было сродни самоубийству. Я вела себя совсем не так, как подобает покорной супруге, — да я ей больше и не была.

— А теперь, если Ваше Высочество позволит, эта жена покинет вас. Мне нужно проверить счета поместья — кто-то же должен управлять домом, пока вы, — мой взгляд брезгливо скользнул по побледневшей Сюэ, — тешите свои иллюзии и удовлетворяете похоть.

Я не стала ждать ответа. Держа спину идеально прямой, развернулась и направилась прочь, оставляя этот гадюшник позади. Тяжёлый шёлк плавно шуршал по коврам.

За спиной раздался грохот перевёрнутого стола — видимо, Пэй Тяньюнь швырнул его в порыве ярости. Наложницы испуганно завизжали. Я даже не обернулась, мне было абсолютно всё равно, что там происходит. Выйдя наружу, я глубоко вдохнула прохладный вечерний воздух. Сердце ко-

лотилось в груди, как сумасшедшее, но на губах сама собой расцветала улыбка.

Я нанесла первый удар, и, судя по бешеной ярости князя, он попал точно в цель. Мне удалось разрушить морок беззащитной жертвы. Отныне правила буду диктовать я.

Глава 3

Утро выдалось серым и тяжёлым. Морось оседала на черепичной крыше павильона блестящими каплями, похожими на драгоценные камни. В воздухе витал запах сырости, затруднявший каждый вдох. Прохлада проникала внутрь, выстуживая покои.

Одетая в тёмно-синее, с волосами, собранными в строгий пучок на затылке, я сидела у окна и куталась в одеяло. Лишившись вчера всех украшений, я больше не хотела их надевать, и оттого казалась простой прислугой. В руках расположились тяжёлые, переплетённые шнурами свитки и стопки рисовой бумаги — как и намеревалась вчера, я хотела изучить архивы поместья князя.

Служанка до сих пор пугалась каждого движения — новый характер хозяйки внушал ей такой страх, что она безропотно подчинялась любым приказам. Именно она принесла мне эти записи из главной библиотеки. Хранитель пытался было возмутиться, но не смог пойти против печати главной жены. Угроза взяться за плеть быстро охладила наглый пыл смотрителя, решившего нарушить заведённый порядок.

Главный навык адвоката — это не столько знание законов, сколько умение читать между строк. Навык, позволяющий находить скрытые мотивы, распутывать чужую ложь и выстраивать защиту для клиентов. Самое мощное оружие в

нашем деле — информация, и чем её больше, тем вернее будет выстрел.

Сейчас, во враждебном месте, знания нужны мне как воздух — без них меня легко растопчут. Я должна вычислить противника и узнать, что именно превратило блестящего полководца в одержимого демона. Я разворачивала свитки и перебирала исписанные ровными иероглифами листы, и постепенно в голове складывалась трагичная и жестокая картина прошлого.

Хэ Юэси, дочь мелкого чиновника из южной провинции, славилась слабым здоровьем. Судя по стихам князя, она обладала невероятной красотой. Мой нынешний супруг и эта девушка любили друг друга той любовью, которая случается лишь раз в жизни. Пэй Тяньюнь хотел сделать её главной женой, несмотря на все условности и статус.

Но тогда вмешался император. Дракон боялся влияния князя, которое простиралось повсюду. Молодой полководец прославился в боях и стал угрозой для трона, и правителю был необходим поводок на шее дикого зверя, которого он не мог подчинить. На роль этого поводка выбрали дочь преданного престолу старшего министра — Цзян Ваньцин.

Император издал указ, от которого невозможно было отказаться. Отказ означал бы мятеж, и тогда весь клан князя был бы обречён на уничтожение. Пэй Тяньюнь был вынужден подчиниться, как бы ни сопротивлялся, и принял Цзян Ваньцин в качестве главной жены. Хэ Юэси же не выдержала

позора — мысли о том, чтобы стать лишь одной из наложниц и делить любимого с другой, убивали её. По официальной версии, болезнь взяла верх, она угасла и умерла прямо на руках возлюбленного.

Я отложила свиток и потёрла переносицу. По сути, это было идеальное преступление, совершённое чужими руками. Император одним выстрелом убил двух зайцев: разрушил душу полководца и внедрил в его дом соглядатая, обязанного доносить о каждом шаге князя. Только вот Цзян Ваньцин не была шпионкой. Она была обычной наивной девушкой, влюбившейся в мужа с первого взгляда и даже не понимавшей, что стала палачом, отнявшим жизнь у его любимой.

— Как типично, классический перенос вины, — пробормотала я, ничуть не удивляясь. — Князь не мог отомстить императору, не развязав при этом войну, и потому решил мучить ту, до кого был способен дотянуться. Жалкий, сломленный мальчишка в теле бога войны.

В груди шевельнулось сочувствие. Сострадание к трагедии, разрушившей жизни двух людей. Я прекрасно понимала его боль и знала, каково это — когда твоё сердце заживо вырывают из груди предательством. Но сочувствие не имеет ничего общего с жертвенностью. Понимать преступника — не значит давать ему право уничтожить тебя. На это Пэй Тяньюнь не имел никакого права.

Мой бывший муж тоже оправдывал свои измены тяжёлым детством и поиском себя. На самом деле это всего лишь ин-

фантилизм и перекладывание ответственности. Я выслушивала это раз за разом, а в итоге осталась без гроша на банковских счетах. Так что, возможно, мой нынешний супруг и может скорбеть, но он не волен делать Цзян Ваньцин заложницей этой скорби. И уж тем более — жертвой, которая обязана расплачиваться.

Мои размышления прервал скрип дверей. Осторожно ступая вошла служанка в бледно-розовых одеждах, держа в руках поднос, накрытый шёлком. В мои владения прибыла чужачка.

Чжицяо, охранявшая вход, тут же преградила ей путь, помня страх.

— Куда направилась? Госпожа приказала: никому в резиденции сюда не входить!

— Меня прислала наложница Сюэ, — раздался заискивающий голос. — Госпожа передала дар для главной жены в знак раскаяния во вчерашнем недостойном поведении.

Бровь приподнялась. Наложница решила преподнести мне дар раскаяния? Та, которая хихикала, глядя, как супруг унижает меня, и считала себя хозяйкой всей резиденции. Как фальшиво.

— Пропусти её, — произнесла я, не вставая из-за стола.

Пришлая, семеня, прошла внутрь, опустилась на колени и низко склонила голову. Она поставила поднос на стол и сняла ткань. В фарфоровой пиале виднелась густая полупрозрачная похлёбка.

— Госпожа сварила вам суп из серебряных древесных грибов с семенами лотоса и ягодами годжи, — пропела служанка, не поднимая лица. — Трудилась над ним с самого рассвета, чтобы успокоить дух и укрепить здоровье главной жены.

Сладковатый пряный аромат поднимался от пиалы, окутывая покои. Я уставилась на суп, а в голове сразу же выстроилась цепочка вероятностей. Наложница, скорее всего, испугалась моего вчерашнего поведения, поняв, что прежнего козла отпущения и груши для битья больше нет. Ван был в ярости после моего ухода и, вероятно, сорвал злость как раз на ней. А что чувствует недалекая женщина, ощущающая угрозу власти? Конечно же, попытается устранить соперницу. Причём тихо и незаметно. Но насколько же глупо… у меня слов нет.

Тяжёлый взор опустился на служанку. Она по-прежнему стояла на коленях, низко пригибаясь к полу. Плечи девушки были слишком напряжены, а пальцы сжимали подол халата. Что хозяйка — змея, что её прислуга.

— Как тебя зовут? — мягко прозвучал мой голос. В нём нельзя было расслышать обман или скрытую угрозу.

— Бихуа, госпожа, — пискнула служанка, не ожидавшая такого вопроса.

— Бихуа… родители дали тебе красивое имя. Подними голову и посмотри мне в глаза.

Девушка вздрогнула и медленно подняла лицо. В её рас-

ширенных зрачках расцветал страх.

Взяв со стола серебряную ложечку, приготовленную на такой случай, медленно опустила её в суп и, подождав пару мгновений, достала. Серебро должно было выявить любой скрытый яд, но ложка осталась чистой.

Служанка, увидев это, едва заметно выдохнула, её плечи опустились. Какая глупая ошибка — расслабиться до того, как я вынесла приговор. А ведь здесь определённо крылся какой-то подвох, и есть этот суп я точно не собиралась.

— Отличный суп ты принесла, — я отложила ложку на стол. — Только скажи мне, почему за запахом семян чувствуются ноты сырой земли и горечь, которой там вообще быть не должно?

У служанки расширились глаза, она даже подалась вперёд, собираясь опереться руками о стол и закричать, что ни в чём не повинна. Но мой взгляд прибил её к месту. В залах суда я могла расколоть мошенников и лжесвидетелей одним лишь голосом и вниманием. А передо мной сидела простая наивная девчонка, раскусить которую было легче семечка.

— Это вытяжка из корня снежного паукоцвета, — ледяным голосом произнесла я, мысленно благодаря прежнюю хозяйку тела. Она прекрасно разбиралась в травах, и теперь её память служила мне верным щитом. — Этот яд не чернит серебро и убивает не сразу. Сначала он вызывает слабость, сердцебиение и одышку. Со стороны всё выглядит так, будто человек просто угасает от тоски и страданий. Как удобно:

идеальная легенда о том, что госпожа Цзян Ваньцин не вынесла разлуки с мужем и зачахла от его холодности.

— Г-г-госпожа, эта р-р-рабыня ничего не понимает… Я здесь ни при чём! — заикалась служанка, пятясь.

Весь план её госпожи рухнул, так и не начавшись. Ох уж этот гадюшник.

— Чжицяо! — резко позвала я.

Для стоящей на коленях девчонки это прозвучало как конец. Моя доверенная служанка тут же шагнула вперёд, готовая повиноваться, пока Бихуа бледнела от ужаса перед неминуемой расправой.

— Закрой двери и принеси бумагу, кисть и тушь. Будешь писать. А ты, Бихуа... — я медленно поднялась, и тень накрыла съёжившуюся девчонку. — У тебя есть два пути. Первый — ты выпьешь этот суп до дна прямо сейчас, а я посмотрю, как быстро ты умрёшь. Второй — ты надиктуешь каждое слово, которое сказала тебе твоя госпожа, передавая яд. Каждое слово. Всю правду, без капли лжи.

Служанка зарыдала, упав лицом в пол и пытаясь поцеловать мои туфли.

— Пощадите меня, госпожа! В этом нет моей вины! Госпожа Сюэ заставила меня! Сказала, что князь будет рад, если вас не станет, и тогда возвысит её, как только от вас избавится!

Я отдёрнула ногу, не желая, чтобы заплаканное лицо касалось моей обуви.

— Пиши, Чжицяо, слово в слово. Всё, что она говорит.

Через десять минут лист с признаниями был готов, и на нём красовался отпечаток большого пальца Бихуа. Свернув бумагу, спрятала её в рукав. Это доказательство останется у меня.

— А теперь, Чжицяо, возьми двух стражников и отправляйся в павильон наложницы Сюэ. Если эта гадюка откажется идти, скажи, что я передам пиалу и признание прямиком в Судебное Ведомство столицы, и тогда даже князь её не спасёт. В конце концов, попытка отравления главной жены, да ещё и дочери старшего министра — это казнь через отсечение головы. Вся её семья до скончания веков будет сослана на каменоломни.

***

Прошло полчаса. Двери моих покоев снова открылись, и вошла наложница Сюэ. Прежде соперница всегда демонстрировала плавную, изящную походку, которая непроизвольно зачаровывала всех вокруг. Сейчас её шаги были резкими и дёрганными — птичка потеряла половину перьев, пока шла сюда. Её фигуру облегало роскошное зелёное платье с золотыми пернатыми, а глаза, за которые ей многое прощалось, метали злые молнии. Но я прекрасно видела, как под слоем злости скрывались страх и паника перед будущим.

Наложница увидела заплаканную в углу покоев служанку, а затем — пиалу с нетронутым супом на столе. Сюэ попыталась сохранить лицо, хотя её маска готова была сорваться.

Фаворитка даже не подумала поклониться, как полагалось по правилам. Женщина гордо вскинула подбородок, будто сама здесь была госпожой, имеющей право указывать нерадивой служанке — мне.

— Скажите, по какому праву вы приказываете страже тащить меня сюда, госпожа Цзян? — её голос был пропитан возмущением, но его выдавала одна деталь: он дрожал. Спесь наложницы трещала по швам. — Ван во мне души не чает! Если он узнает, что вы решили меня обидеть, то…

Сидя на резном стуле и выпрямив спину, я долго смотрела на наложницу, наслаждаясь тем, как уверенность с каждым мгновением тает под тяжёлым взором. Эта женщина уже сломалась и проиграла.

— Как самонадеянно говорить о том, что ван вас любит. Ведь любит князь совсем другую, а не вас, — произнесла я. Каждое моё слово было пропитано ядом. — Этот мужчина благоволит истлевшему трупу, который уже гниёт в земле три года. Если ты думаешь, что Пэй Тяньюнь видит в тебе человека, то угомонись: ты всего лишь зеркало, в котором отражается чужой призрак. Так что не обольщайся, думая, будто твоя жалкая жизнь имеет хоть какую-то ценность.

Соперница вся побледнела, воздух с шумом вырвался из её груди. Это был прицельный удар по самому больному месту — я сказала правду, которую наложница знала, но скрывала от самой себя, слепо веря в то, что ван её действительно любит. Какая чушь и наивность.

Я медленно достала из рукава свёрнутый лист и бросила его рядом с пиалой.

— Твоя служанка во всём созналась. Ты подсунула мне снежный паукоцвет, желая убить главную жену. Саму ванфэй.

— Это ложь и клевета! — взвизгнула наложница, непроизвольно сделав шаг назад. — Эта дрянь всё врёт, её слова ничего не стоят, она всего лишь рабыня! Нет, вы сами всё подстроили, чтобы от меня избавиться! Я всё расскажу вану, и он убьёт вас!

Я усмехнулась глупости этой недалёкой женщины. Чжицяо, стоявшая в углу, мелко задрожала — служанка уже понимала, что ничего хорошего ждать не стоит.

— Ты такая наивная. Неужели думаешь, что мне есть дело до того, что скажет ван? — я неспешно поднялась, и тень упала на наложницу, подавляя её аурой безграничной власти, которую мне даровал этот дом. — По законам империи внутренний двор находится в полном подчинении главной жены. Ван может командовать армией, но я командую всей резиденцией. Если я решу забить палками зарвавшуюся наложницу за это преступление, то ван даже не посмеет сказать мне и слова поперёк. Иначе мой отец, главный министр, поднимет вопрос о самоуправстве перед императором. В нашей империи всё подчиняется иерархии. И тех, кто её нарушает, наказывают.

Сюэ начала оседать на пол — ноги её больше не держали.

Морок безнаказанности, который фаворитка выстроила вокруг мужской похоти и скорби по любимой, рухнул в Диюй.

— Не волнуйся, я не буду марать о тебя руки, — я подошла к ней вплотную. — В конце концов, смерть — это благословение и слишком лёгкий выход для тебя. — Я наклонилась к её уху: — А теперь слушай мой приговор, наложница. Ты лишишься всего содержания за этот месяц, а все украшения и ткани будут изъяты в пользу усадьбы. Твой павильон будет заперт, и ты должна будешь просидеть там три месяца, получая лишь рис и воду дважды в день.

— Да вы не посмеете! Вам никто не позволит! — зарыдала наложница, пытаясь схватить меня. Но я тут же брезгливо отступила. Не хотела, чтобы меня касалось это грязное существо. — Ван придёт за мной и освободит! Он не может долго без меня!

— Ну и пускай приходит, — равнодушно произнесла я. — Но навсегда выжги в своей памяти, Сюэ: если ты ещё хоть раз, хоть словом или даже мыслью попытаешься причинить мне вред, я просто возьму кинжал и изуродую твоё лицо. А потом мы посмотрим, будет ли приходить к тебе мой супруг, когда сходство с Хэ Юэси исчезнет. Тебе понятно?

Наложница закрыла рот, слышна была только её икота. Женщина пребывала в ужасе, словно увидела демона. И в чём-то наложница была совершенно права. Милосердие из моего сердца исчезло после предательства бывшего мужа. Живи оно во мне — я бы не выжила.

— Я поняла, — раздался тихий шёпот. Сил говорить у Сюэ больше не было, иначе голос сорвался бы на крик.

— Уберите её с моих глаз, — я отвернулась, потеряв к ней всякий интерес. — И вылейте эту гадость. Я занята, мне ещё нужно дочитать отчёт расходов за прошлые годы.

***

Пэй Тяньюнь

Наступил вечер. Закатное солнце окрасило рабочий зал в багровые тона. Я сидел за массивным столом с резными ножками, сжимая в руке чашу из зелёного нефрита с рельефными драконами. В нефрите лениво плескалось вино. Напиток обжигал горло и был сладок, заставляя делать глоток за глотком. Но прежнего забвения больше не было.

Тоска в груди была слишком сильной, она больше не поддавалась алкоголю — сознание становилось только острее и злее. Лицо Хэ Юэси постоянно стояло перед глазами. Я помнил смех в тёплые летние вечера, но стоило забыться, как перед взором являлась кровь на губах возлюбленной в последние дни жизни.

Я ненавидел весь этот мир. Ненавидел императора, разрушившего мою жизнь. И точно так же ненавидел Цзян Ваньцин — дочь моего врага. Эта женщина была насмешкой над памятью моей любимой. Я ненавидел в ней всё: дыхание, кроткие глаза… А жалкие попытки угодить просто приводили в бешенство. Особенно слёзы. И я втаптывал эту женщину в грязь. Я хотел, чтобы она сломалась точно так же,

как и я.

Но всё пошло не так. Позавчера ночью я был смертельно пьян, и безумие вырвалось наружу, круша остатки контроля. В крови кипело дикое желание убить её. Вырвать из неё жизнь собственными руками, а затем выпить эту агонию до дна, чтобы хоть немного утолить голод мести. Но то, что произошло тогда, сбило меня с толку.

Внезапно дверь зала тихо скрипнула, и внутрь вошёл евнух. Он низко поклонился, не смея поднимать глаз от пола.

— Говори, зачем пришёл? — хрипло бросил я, не отрывая взгляда от чаши.

— Ваше Высочество, я принёс новости из внутренних покоев. Они касаются вашей жены.

При упоминании Цзян Ваньцин челюсти сжались сами собой. Опять она. Как же меня раздражало её имя. Неужели решила пожаловаться или написать письмо отцу? Или вздумала притащиться сюда и упасть на колени, умоляя о прощении за то, что я пытался её задушить?

— Чего она хочет на этот раз? — с презрением спросил я. — Снова расплакалась?

Евнух судорожно сглотнул, кадык дёрнулся.

— Нет, ни в коем разе, Ваше Высочество. Главная жена п-провела суд.

Я медленно поднял глаза на слугу.

— Суд? В моём поместье? Над кем?

— Над наложницей Сюэ, — быстро пролепетал Гу, боясь

встретиться со мной взглядом и увидеть в нём гнев. — Наложница преподнесла госпоже Цзян суп с вытяжкой снежного паукоцвета, желая убить. Но госпожа распознала яд, заставила служанку во всём признаться, а затем приказала привести фаворитку в свой п-павильон.

Пальцы непроизвольно сжались на нефрите. Какая глупая, самонадеянная девка эта Сюэ. Посмела использовать столь грязные методы в моей резиденции! Но меня поразило другое. То, как моя супруга решила ответить.

— И что же сделала моя покорная жена? — усмехнулся я. — А впрочем, не говори, я сам знаю. Заперлась в павильоне и рыдает, ожидая, что я её спасу?

— Вовсе нет, Ваше Высочество, — Гу опустился на колени. — Госпожа лишила наложницу содержания, изъяла всё её имущество и посадила под замок на рис и воду на три месяца. А также…

— Что «также»? — рявкнул я, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— Госпожа пообещала... что самолично изуродует к-кинжалом лицо наложницы Сюэ, если та еще раз посмеет... т-так напоминает Хэ Юэси и нравится Вашему Высочеству.

Внутри меня всё застыло. Я вперился в евнуха тяжелым взглядом и не верил собственным ушам. Моя тихая, забитая жена пригрозила изуродовать лицо наложницы? Она забыла обо мне? Забыла, кто её муж и повелитель, и чьё слово здесь закон?

Этот суд был слишком расчётливым. Жестокость, безупречно прикрытая законом. Похоже, она перестала играть в покорность.

Ярость жгла грудь. Как эта тварь посмела угрожать лицу, которое напоминало мне о возлюбленной?! Как посмела распоряжаться и устанавливать свои порядки в моём доме, даже не спросив меня, полноправного владыку?!

Я резко поднялся, отшвырнув чашу. Нефрит с маху ударился о каменные плиты и разлетелся вдребезги. Тёмно-красное вино, точно кровь, растеклось по полу.

Эта гадина посмела показать зубы. Нацепила на свою гнилую личину маску ледяного безразличия и возомнила, что может диктовать условия в моих владениях!

— Ваше Высочество?.. — пискнул испуганный евнух.

— Пошёл вон! — гаркнул я и зашагал к выходу.

Я должен увидеть её прямо сейчас. Должен немедленно вернуть всё на свои места и сорвать это напускное спокойствие, которым она от меня отгородилась. Пусть снова боится. Она обязана помнить, кто здесь хозяин, а кто — лишь жалкая тень. Ей вечно искупать свою вину передо мной!

Стремительно шагая по коридорам, ведущим к её павильону, я чувствовал, как всё моё существо наливается чистой ненавистью. Я наотрез отказывался признавать ту странную искру интереса, которая впервые за долгое время зажглась в моей мёртвой душе. Эта незнакомая женщина с холодными глазами уж точно не могла меня заинтересовать.

Глава 4

Дождевые капли стучали по черепичной крыше — монотонно и убаюкивающе. Но вопреки подступающей дремоте, я сидела за столом, растирая твёрдый брусок туши в каменной тушечнице. Маленькая капля воды, методичные, плавные круговые движения бруском — и вскоре на дне начала скапливаться густая, чернее самой ночи, жидкость.

В прошлой жизни я точно так же любила перемалывать кофе — это успокаивало и настраивало ум на нужный лад. Особенно перед тяжёлыми судебными слушаниями. Здесь этого напитка не было, и ритуалом стала каллиграфия.

Глаза скользнули по свиткам и стопкам бумаги. Вчера я с трудом заставила себя дочитать финансовые отчёты резиденции за последние полгода, хотя на самом деле хотелось просто бросить всё и замотаться в одеяло. Меня накануне едва не отправили на тот свет, но благодаря собственному уму и знаниям прежней хозяйки тела удалось избежать непоправимого.

Но куда больше поразило содержимое свитков; мой профессионализм негодовал. Может, супруг и был гениальным полководцем, умеющим вести солдат, возводить крепости и стирать с лица земли неугодных, но в хозяйственных делах он оказался абсолютно слеп. Горе и одержимость мёртвой возлюбленной заставили пустить управление резиденци-

ей на самотёк, отдав всю власть десяти недалёким наложницам и проворовавшимся управляющим.

Счета за шёлк, драгоценности, южные фрукты и благовония многократно превышали любые разумные пределы. Личная гвардия мужа в месяц не тратила столько, сколько уходило на капризы здешнего гарема. Это значило лишь одно — слуги безбожно воровали, прикрываясь приказами фавориток и нагло расхищая княжеское золото.

Цзян Ваньцин видела это и робко пыталась указать на растраты, навести хоть какой-то порядок. Но каждое её слово муж воспринимал как попытку ущемить его наложниц. Когда девушка приносила отчёты, мужчина просто рвал их и приказывал выдать наложницам двойное содержание — исключительно ради того, чтобы посильнее унизить законную жену.

— Какая глупая, наивная душа, — тихо произнесла, обмакивая кисть в тушь. — Цзян Ваньцин, ты пыталась спасти дом человека, который сам же его и разрушал. Пустая трата сил.

Вывела на бумаге ещё несколько иероглифов. Расчёты были окончены. Кисть замерла, и взгляд скользнул на шкатулку, где покоилась печать главной жены — брусок холодного белого нефрита с вырезанными фениксами, сложившими крылья, который у меня пока не отобрали. Символ власти в доме и одновременно путы.

По местным правилам главная жена была обязана безро-

потно вести хозяйство и заботиться о гареме супруга, распределять шелка для женщин, которые с ним спали, поддерживать видимость брака… Брака, в котором он смотрел сквозь Цзян Ваньцин и меня и методично уничтожал достоинство.

В памяти всплыла прошлая жизнь, где я точно так же пыталась цепляться за иллюзии и сохранить семью с человеком, который преспокойно спал с другой. Но штамп в паспорте не дал ни защиты, ни прав — всё это оказалось огромной ошибкой. Статус без уважения — всего лишь тугой ошейник на короткой цепи.

Здесь, в древнем мире, правила были куда жёстче, но суть оставалась прежней. Наводить порядок в чужом борделе я не стану. Жизнь предназначена для другого, и тратить её попусту — только не со мной. Не прокатит. Мне нужны развод и свобода. Хочется увидеть мир и, возможно, встретить человека, который будет смотреть только на меня — с теплом, желанием и искренней любовью. И уж точно без намерения перерезать горло.

Когда-нибудь получится вырваться отсюда и вздохнуть полной грудью.

Стоило опустить крышку шкатулки, как замок отозвался тихим щелчком.

— Госпожа... — робкий голос служанки отвлёк от размышлений.

Чжицяо замерла у порога, низко склонив голову. Девчон-

ка всё ещё не привыкла к новой мне и вздрагивала от одного только взгляда.

— Что случилось?

— Сюда прибыл капитан личной стражи. Он ожидает во дворе.

Бровь приподнялась. Не евнух, как в прошлый раз, а капитан гвардии? Любопытно. Значит, Пэй Тяньюнь прислал вооружённых людей. До ушей супруга быстро дошли новости о суде и суровом приговоре, который я вынесла. Видимо, моё самоуправство окончательно вывело князя из себя.

— Позови его, — спокойно ответила, даже не думая подниматься со стула.

Через пару мгновений порог перешагнул высокий воин в тяжёлых доспехах. Линь Юнь прошёл с ваном множество битв. Лицо пересекал глубокий шрам, а взгляд оставался прямым и суровым. В отличие от наложниц, он никогда не выказывал открытого презрения к Цзян Ваньцин, но и уважения не проявлял, считая девушку лишь слабой обузой. Мужчина остановился в пяти шагах и коротко поклонился, положив ладонь на рукоять меча.

— Госпожа. Его Высочество требует вашего присутствия в Зале Справедливости. Немедленно.

«Зал Справедливости». Память прежней хозяйки тела услужливо подсказала, что в этом месте вершили суд над предателями, шпионами и дезертирами. Пол там был выложен из чёрного камня, чтобы никто и никогда не смог раз-

глядеть следы крови. И раз муж вызывал меня именно туда, это говорило о многом. Видимо, великий полководец решил устроить показательную порку.

— Как официально, — слегка усмехнулась. Голос звучал мягко, ничем не выдавая скрытых лезвий. — Надеюсь, вы, капитан, не забыли прихватить кандалы? Или для меня предусмотрены иные условия?

Воин слегка опешил. Привычная картина мира упорно не вязалась с тем, что люди видели теперь в Цзян Ваньцин. При одном упоминании князя прежняя владелица тела сразу же бледнела и тряслась или, наоборот, трепетала от радости.

— Мне приказали лишь сопроводить вас, госпожа, — ответил он, избегая прямого взгляда.

— Хорошо, дайте мне минуту.

Я поднялась. На мне было простое тёмно-серое одеяние без какой-либо вышивки. Плотная ткань полностью скрывала фигуру, волосы были собраны в строгий, гладкий узел. В облике не осталось ничего от прежней хозяйки тела.

Взяв шкатулку с печатью и стопку только что расписанных бумаг, передала их служанке:

— Держи и иди за мной.

Мы шли через всю резиденцию. Пока добирались до Зала Справедливости, дождь усилился, превращая дорожки в слякоть. Капитан вышагивал впереди, двое сопровождавших стражников замыкали шествие. Бумажный зонт в руках едва спасал от порывов ветра, но я не позволяла себе проявлять

слабость. Спина оставалась безупречно прямой.

Тяжёлые двери зала с грохотом распахнулись. Внутри царил полумрак. Тусклый дневной свет проникал сквозь узкие оконца под самым потолком. Венценосный супруг восседал на массивном стуле, больше похожем на трон. Он был облачён в чёрные одежды с серебряными ястребами, а поза казалась обманчиво расслабленной — будто ему с минуты на минуту должны были подать на блюде сочное жареное мясо. В глазах князя плясал мрачный огонь предвкушения скорой расправы.

У подножия трона на холодном каменном полу сидела наложница Сюэ, одетая в белое платье. Её лицо опухло от слёз. Фаворитка картинно всхлипывала, прижимаясь щекой к сапогу князя. Стоило мне переступить порог, как девица театрально вздрогнула и съёжилась, будто я занесла над ней руку для удара.

Какая классическая, глупая сцена. Настоящий театр, где роли палача, жертвы и злодея распределены заранее. Только вот роль главной злодейки почему-то отвели мне — той, кому преподнесли пиалу с ядом.

Остановилась в центре зала. Дрожащая служанка замерла за спиной, прижимая к груди свитки и шкатулку. Вокруг теснились стражники и доверенные лица князя. Меня явно хотели унизить публично, указав на «место».

Склонилась в сдержанном, вежливом поклоне — в том, что по этикету допускался между равными по статусу. Если

они ожидали, что я послушно паду ниц, то жестоко ошибались.

— Вы звали меня, Ваше Высочество?

Голос ровным эхом разнёсся под каменными сводами. В нём не было ни капли страха или трепета перед грядущей экзекуцией. Лишь ледяная отстранённость.

Лицо супруга окаменело, ладони крепче сжали деревянные подлокотники.

— Звал, — низко, сдерживая ярость, отозвался он. — Я хочу знать, по какому праву ты посмела учинить самоуправство в моём доме, Цзян Ваньцин? Как ты смеешь отдавать приказы моей страже, отбирать имущество наложницы и запирать её под замок?

Фаворитка снова зарыдала, хватаясь за полы халата князя.

— Ваше Высочество, она угрожала мне! Обещала изуродовать лицо, которое вы так любите! — причитала Сюэ тонким, фальшивым голоском.

Я смотрела на этот фарс с полностью непроницаемым лицом. Дешевый балаган. Мои комментарии насчёт исполнения роли этой дряни здешней публике точно бы не понравились.

В прошлой жизни я видела сотни таких женщин. Обычные любовницы, которые заявлялись в зал суда и лили крокодиловы слёзы, наперебой рассказывая, как их притесняет законная жена. Вот только на перекрёстном допросе они ломались минут за десять.

— Вы задали вопрос, Ваше Высочество. Разрешите на него ответить, — ровно произнесла я.

Пэй Тяньюнь сузил глаза. Моя реакция явно сбивала его с толку — я вела себя слишком спокойно. Не так, как прежняя покорная Цзян Ваньцин.

— Говори, — прошипел супруг сквозь зубы.

— Я действовала по праву главной жены, дарованному мне законами империи и закреплённому печатью этого дома. Наложница Сюэ прислала пиалу с супом, в который была добавлена вытяжка из снежного паукоцвета. Снежный паукоцвет — смертельный яд. Эта женщина совершила государственное преступление, попытавшись отравить законную ванфэй. А подобное злодеяние карается смертной казнью.

— Это ложь! Клевета! — взвизгнула фаворитка. — Я ничего туда не подмешивала! Как бы я посмела?! Эта женщина силой заставила мою служанку написать ложное признание под угрозой жестоких пыток! Князь, вы ведь сами прекрасно знаете, что я никогда бы...

— Заткнись! — отрезал князь, не сводя с меня тяжёлого взгляда.

Князь разглядывал меня пристально, словно пытался нащупать хоть малейший изъян. Поймать хоть на капле вранья, чтобы нанести ответный удар.

— У тебя есть доказательства, Цзян Ваньцин? Кроме каракулей перепуганной рабыни?

— Серебро не чернеет от снежного паукоцвета, Ваше Вы-

сочество. Однако пиала осталась немытой. Любой лекарь сможет определить яд по запаху. — Я смотрела прямо в глаза вана, не мигая. — Я проявила милосердие и не стала выносить случившееся за пределы резиденции, ограничившись домашним арестом и лишением содержания. Полагаю, это самое мягкое наказание из возможных. Сделано это было исключительно из уважения к вам, поскольку я знаю... — мой голос стал тише, а взгляд намертво пригвоздил князя, — ...как дорого вам это лицо.

В зале воцарилась тишина. Стражники потупили взоры, а зарвавшаяся наложница застыла, приоткрыв рот, точно выброшенная на берег рыба. Упоминание покойной, а тем более её внешности, оставалось табу в доме. Никто не смел произносить подобные слова в присутствии вана. Но мне было плевать. Реплика была брошена Пэй Тяньюню в лицо с полнейшим равнодушием.

Черты князя исказились. Ноздри раздувались от ярости — сейчас он выглядел в точности так же, как в ту ночь, когда душил меня. Мужчина резко поднялся с массивного трона.

— Проявила милосердие, говоришь? — прорычал, спускаясь по ступеням. — Да как ты смеешь рассуждать о милосердии, женщина?! Твоё присутствие в этом доме — само по себе преступление! Думаешь, если нацепила маску беспристрастного судьи, то теперь станешь здесь всем распоряжаться? Цзян Ваньцин, ты совсем забыла своё место! Ты никто. Просто тень. Грязь под моим сапогом!

Пэй Тяньюнь подошёл вплотную. От одежд веяло сталью и вином. Князь был слишком высоким. Пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть в горящие гневом глаза. Я не отступила ни на миллиметр.

— Мне прекрасно известно, кто я такая, Ваше Высочество, — голос прозвучал ровно, без единой капли дрожи. — Но, кажется, вы сами забыли, зачем я здесь.

Повернувшись, щёлкнула пальцами, подзывая служанку.

— Чжицяо, подай.

Перепуганная девчонка подошла ближе на подкашивающихся, точно деревянных ногах. Трясущимися руками она протянула стопку свитков и шкатулку. Взяв их, снова повернулась к мужу.

— Вы, князь, обвиняете меня в самоуправстве, поскольку недовольны распоряжениями во внутреннем дворе, и считаете грязью, — медленно произнесла, чеканя каждое слово. Тон оставался деловым. — Что ж, в последнем я с вами полностью согласна.

Пэй Тяньюнь нахмурился. Мужчина совершенно не понимал, что я делаю и к чему клоню.

Медленно подошла к столу и опустила стопку финансовых отчётов. Было даже немного жаль отдавать плоды своей работы этому человеку — он ведь, скорее всего, просто выбросит бумаги, как поступал всегда. Но сейчас было плевать.

— Эти отчёты я составила, изучив все документы за последние полгода. Делами резиденции управляла вовсе не я.

Всеми деньгами распоряжались ваши казначеи и управляющие, которые беззастенчиво воруют около трёх тысяч серебряных лянов каждый месяц. Ну а наложницы, которых вы так нежно балуете, тратят на шелка и благовония столько, что на эти средства вы могли бы содержать три дополнительных военных отряда. Красной тушью подчеркнуты все несоответствия и места явных хищений. Можете передать это главному казначею. Хотя не думаю, что ему вообще стоит верить.

Открыв шкатулку, достала тяжёлую нефритовую печать главной жены — символ, полученный Цзян Ваньцин при замужестве. Камень тускло блеснул в полумраке зала. Взглянув на печать, а затем на застывшего князя, со стуком опустила камень поверх свитков.

Присутствующие в зале невольно вздрогнули. Даже фаворитка перестала всхлипывать, округлив глаза от изумления. Такого поступка никто не ожидал. Я добровольно отдавала главную печать — единственное, что обеспечивало законную власть и защиту в мире. Для местных этот поступок выглядел шагом в бездну.

— Что ты делаешь? — голос супруга внезапно осип.

Пэй Тяньюнь смотрел на лежащий поверх бумаг нефрит так, словно перед ним была банка с ядовитыми скорпионами.

— То, что вы и хотели — снимаю с себя все полномочия, — спокойно ответила, глядя прямо в безумные глаза.

С того момента, как печать коснулась дерева, в груди начала разливаться удивительная, пьянящая лёгкость. Наконец-то свобода.

— Мой супруг полностью прав. Главная жена совершенно не подходит для этой тяжёлой роли. А я не нанималась быть палачом для ваших любовниц и уж тем более не собираюсь подчищать отчёты за вашими ворами. Но самое главное: я не желаю, чтобы нас связывало хоть что-то помимо того, что строго предписано императорским указом.

Сделала несколько шагов назад.

— Я считаю, что эту печать стоит отдать наложнице Сюэ, — слегка усмехнулась. — Ну или любой другой вашей фаворитке, чьё лицо вы находите более милым. Пусть эта женщина управляет двором, распределяет шелка и наказывает провинившихся слуг. Отныне дела внутреннего двора меня не касаются. Разбирайтесь с ними сами.

— Ты не имеешь права! — прошипел Пэй Тяньюнь. Голос подвёл, дрогнув от растерянности.

Князь явно ожидал совсем другого исхода. Все собравшиеся здесь были уверены, что увидят публичное наказание главной жены и триумф оскорблённой наложницы, но я перевернула их игру с ног на голову.

— Это печать клана! Ты обязана хранить её и управлять здесь всем!

— Мои обязанности ограничиваются лишь тем, что я должна оставаться живой, пока император не решит иначе,

— холодно отрезала. — Отныне Павильон Увядающей Сливы закрыт для всех. Ни одна живая душа не имеет права переступать его порог. Я отказываюсь от содержания из казны резиденции. Приданого моего клана более чем достаточно, чтобы не зависеть от щедрости вана. Я больше не явлюсь ни на один пир и не стану мозолить глаза супругу своим присутствием. Всё, чего я требую, — оставить меня в покое.

Окинула его долгим, прощальным взглядом. Статный, красивый мужчина, ради которого прежняя хозяйка этого тела безропотно отдала душу, расплачиваясь за грехи, которые не совершала. Но для меня этот монстр оставался чужаком. Опасным хищником, с которым вынуждена делить одну территорию. Словно две ядовитые змеи в одной норе.

— Больше эта супруга вас не побеспокоит, Ваше Высочество. Теперь ван волен защищать и ненавидеть кого угодно. Супруг полностью свободен от присутствия этой главной жены, как и от созерцания её лика.

Развернулась, не намереваясь задерживаться здесь ни секундой дольше. Спектакль окончен. Как же непривычно говорить в третьем лице.

— Чжицяо, за мной.

Направилась к выходу, даже не подумав спросить чужого позволения. Серый халат шуршал по каменным плитам. Поступь была уверенной, осанка — безупречной. Десятки глаз буравили спину: кто-то с недовольством, кто-то с полным недоумением, но мне не было до них дела. Это первая

ступень на пути к разводу. Больше никто не сможет причинить мне вред, прикрываясь обязанностями главной жены. Возможно, со стороны отказ от печати казался глупостью — ведь она давала власть карать врагов. Но мне не нужна власть, которая намертво привязывала к этому человеку.

Я шла навстречу свободе.

Тяжёлые двери за моей спиной закрылись, отсекая чужую ненависть, притворную ложь и крокодиловы слёзы.

Всё это время я словно задыхалась в душном коконе. Наконец встав под проливной дождь, я ощутила, насколько освежающими были его капли.

***

Пэй Тяньюнь

В зале воцарилось молчание. Собравшиеся замерли, как и я сам. Взгляд был прикован к нефритовой печати, оставленной супругой на столе рядом со свитками. Этот кусок камня являлся абсолютным символом власти во внутреннем дворе. Женщины готовы были грызть друг другу глотки за привилегии, которые он даровал. Моя мать гордилась этой печатью до самой смерти. Но Цзян Ваньцин бросила её. Словно ненужную грязную тряпку, лишившуюся в его глазах всякой ценности.

А затем просто ушла.

Тяжёлые двери скрыли удаляющуюся фигуру, но её холодный, отрешённый взгляд до сих пор стоял перед глазами. В нём не было ни капли вызова. Ни малейшей попытки при-

влечь внимание, ни затаённой обиды. Только пустота. Эта женщина смотрела так, словно я для неё — никто. Пустое место.

— Ваше Высочество?.. — тонкий, заискивающий голосок раздался у подножия трона.

Гул в ушах, заглушавший все остальные звуки, мгновенно стих. Медленно перевёл взгляд вниз. Сюэ по-прежнему сидела на полу, но теперь смотрела на оставленную нефритовую печать с неприкрытой, уродливой алчностью. Раньше я восхищался её глазами, но сейчас они показались чужими.

Девица потянулась к столу, стремясь прикоснуться к сокровищу.

— Какая неслыханная дерзость со стороны госпожи Цзян, — зашептала она. — Эта женщина окончательно лишилась разума. Князь, раз уж главная жена отказалась от своих обязанностей, быть может, эта скромная наложница...

Пальцы почти коснулись камня. В груди что-то с треском оборвалось. Ярость, смешанная с ненавистью, ударила в голову. Если к супруге я испытывал непроходимый гнев, то к наложнице ощутил омерзение.

Кулак обрушился на стол с такой силой, что свитки подпрыгнули, а несколько документов покатились по полу. Наложница с визгом отдёрнула руку.

— Не смей касаться её! — прорычал я.

Фаворитка отшатнулась, закрывая лицо руками.

— Ваше Высочество, я же с благими намерениями...

Лишь хотела помочь!

Молча разглядывал бледную кожу, тонкий нос и разрез глаз. Почти идеальная копия моей погибшей Юэси. Прекрасная кукла, которую приблизил к себе только ради того, чтобы отчаянно цепляться за ускользающее прошлое. Но морок рассеялся. Женщина с лицом моей возлюбленной не могла иметь такие трясущиеся губы и этот жадный блеск в глазах. Передо мной сидела обыкновенная, глупая и пустая девка.

В голове эхом отзывались слова супруги. Она заперла наложницу в павильоне и не дала делу ход в официальные суды империи потому, что проявляла ко мне уважение и знала, как дорого лицо Сюэ.

Каждое слово било по сознанию, точно тяжёлый молот по наковальне. Эта женщина безжалостно и точно вскрыла мой самообман.

— Встань, — ледяным тоном приказал.

Наложница поспешно поднялась, испуганно шмыгая носом и размазывая слёзы по лицу.

— Ступай в свой павильон, — прошипел, резко отворачиваясь к столу, чтобы больше не видеть её. — Наказание, которое вынесла супруга, остаётся в силе. Ты проведёшь три месяца без права выйти и без содержания. И если до меня дойдёт слух, что ты покинула покои хотя бы на полшага — я прикажу переломать тебе ноги.

В потемневших глазах наложницы плескался страх. Деви-

ца приоткрыла рот, пытаясь что-то возразить, но, встретив тяжёлый, обещающий расправу взор, побледнела как полотно.

— Капитан Линь! — рявкнул на весь притихший зал.

Линь Юнь тут же вытянулся по струнке и шагнул вперёд:

— Слушаю, ван.

— Уведи её прочь и немедленно проверь отчёты, которые принесла Цзян Ваньцин, — указал на оставленные бумаги. — Особое внимание обрати на то, что отмечено красной тушью. Если написанное подтвердится, соберите всех управляющих во дворе. Я лично буду рубить головы за воровство.

— Слушаюсь!

Приказ был исполнен в то же мгновение. Стражники грубо увлекли за собой рыдающую фаворитку. Слуги и приближённые испарились — каждый до смерти боялся попасть под горячую руку.

Медленно, словно погружаясь в бредовый сон, коснулся пальцами нефритовой печати. Камень был холоден — точно так же, как голос и глаза моей супруги.

«Больше эта супруга вас не побеспокоит», — без конца прокручивал в мыслях прощальные слова.

Сжал печать в кулаке с такой силой, что острые резные края больно впились в кожу. Но почему... почему меня это так сильно злило? Я ведь ненавидел эту женщину всей душой. Желал, чтобы она просто исчезла. И вот Цзян Ваньцин принесла то, чего я безуспешно добивался все годы брака.

Она добровольно освободила меня от своего присутствия, отказалась от обязанностей хозяйки дома и заперлась в собственном павильоне. Я ведь мечтал именно об этом и должен был радоваться, праздновать победу. Ликовать, что проклятая змея наконец-то уползла в тень!

Но долгожданное облегчение так и не наступило. В груди зияла пустота, будто туда упал тяжёлый камень, придавивший остатки мёртвой души.

Эта женщина не сломалась. О какой, к Бездне, победе могла идти речь? Цзян Ваньцин пришла в зал, швырнула печать и этим жестом возвысилась надо мной. Наглядно показала, что ей глубоко плевать на мою власть, богатство и чувства. Для неё я сделался пустым местом. Глаза говорили об этом красноречивее любых слов.

В тёмных, израненных глубинах души зашевелилось что-то опасное. Чувство, прежде мне совершенно незнакомое. Любовь я давно похоронил вместе с телом Хэ Юэси, она принадлежала лишь ей одной и никому больше. Но сейчас отчётливо осознал, что происходит — Цзян Ваньцин жестоко растоптала моё самолюбие. Она больше не боялась меня, не собиралась подчиняться и смотреть с трепетом.

Внутри пробудился хищник, которого супруга посмела разбудить дерзостью. В тот же миг родилась дикая, почти безумная жажда сорвать эту маску ледяного безразличия и снова заставить смотреть на меня. И было плевать, что отразится во взоре — ненависть, ярость, горькие слёзы. Неваж-

но! Главное, чтобы она видела меня, а не смотрела насквозь.

— Ты так просто от меня не уйдёшь, Цзян Ваньцин... — сорвался с губ шёпот, сиротливо пронёсшийся по опустевшему Залу Справедливости.

Тонкий силуэт уже растворился за дверями, но я никак не мог выгнать его из своей памяти.

— Я не позволю тебе диктовать правила игры. Никогда.

Глава 5

Прошло пять дней с тех пор, как я вернула печать главной жены. Она мне больше была не нужна. Над павильоном воцарились тишина и покой, словно он сбросил с себя тяжёлый груз. Будто погруженный в вечный сон двор отрезался от всего остального поместья невидимой стеной, которую никто больше не смел —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.